

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ГРИБОЕДОВА

I. Письма Грибоедова А. И. Рыхлевскому. Публикация О. Поповой. — II. Письмо Грибоедова П. А. Вяземскому. Публикация В. Нечаевой.

I. ПИСЬМА ГРИБОЕДОВА А. И. РЫХЛЕВСКОМУ

Публикация О. Поповой

1

Милостивый государь

Андрей Иванович

Я в шутку писал Вам о своих делах. Вы в них приняли участие с дружескою заботливостью. Умею ли я это ценить, Бог даст увидите со временем, не век мне быть в Персии, а вам в Грузии, сойдёмся в отечестве, где и мне статья случай будет служить вам, сколько истинно желаю. До тех пор всё таки я у Вас в долгу, и мало этого; прошу от Вас еще одолжения. Отправляется в Тифлис наш Шамир Бегляров, чтобы кое как склеить дела совершенно расстроенные. Не нужно мне его поручать в Вашу благосклонность, он сам имеет честь Вам быть лично знакомым. Однако натерпевшись в Персии вместе со мною, получил полное право на моё ходатайство при всяком кто мне добра желает, следовательно при Вас особенно, чтобы Вы в делах ему покровительствовали, послужили бы ему сильною защитою против недоброоходов, из которых, как Вам известно, первый П. И. М. к нему не благоволит. Он снабжён письмами к высоким властям. У Вас немало власти, употребите её на благо нашему товарищу, Бог воздаст Вам.

Простите, что мало пишу; по обыкновению дотянул до последней минуты, ни в чём не успеваю. За то в другой раз подробнее побеседую, и коли наскучу на себя пеняйте. За чем ласковым ответом поощряете на болтовство.

Сергею Александровичу Наумову скажите моё почтение, если он ещё обо мне помнит.

С чувством отличного почтения и преданности

Милостивый государь

Ваш покорнейший

А. Грибоедов

24-го Октября 1820

Табриз

15 Литерат. наследство

На четвёртой странице:

Его Высокоблагородию
Милостивому государю
Андрею Ивановичу
Рыхлевскому
Г-ну правителю особой канцелярии
Главнокомандующего в Грузии

2

Милостивый государь
Андрей Иванович

Неделю или немногим более назад писано мною было Вам по оказии с отъезжавшим в Тифлис для поправки дел расстроенных наших Шамиром Бегляровым, коего я поручал благосклонности Вашей, распространяемой особливо Вами и на меня; чтобы Вы сильною защитою ему в сих делах Вам известных стали противу недоброоходов наших, из коих первым считаю П. И. М. Пользуясь ныне срочною отправкою в Тифлис, решил я поделиться с Вами мыслию моею, пришедшей ко мне уже после отъезда Беглярова, кою, надеюсь, примите Вы снисходительно, — а именно: минуя всяческие пути окольные обратиться с ходатайством и правдивым повествованием о всех мытарствах и несчастиях наших к самой высокой особе, но впротчем полагаюсь вполне на усмотрение Ваше, ибо Вам, человеку ближнему, виднее, как лучше поступать в сем деле нашем. За умолчание о себе не пеняйте очень, ибо я и вообще не охочь делами своими другим, хотя бы и друзьям близким, докучать, а по здешней суматошной жизни ныне и вовсе обленился писать. Вот когда увидимся — наговоримся полною мерою и по душам, а пока порадуите меня ласковым ответом своим.

С отличной преданностью остаюсь

Милостивый государь

Ваш покорнейший
А. Грибоедов

Табриз
ноября 1820 г.

На четвёртой странице:

Его Высокоблагородию
Г-ну правителю особой канцелярии
Главнокомандующего в Грузии
Милостивому государю
Андрею Ивановичу Рыхлевскому
В Тифлисе.

Два публикуемых выше (по копиям, хранящимся в Театральном Музее им. Бахрушина, Москва; подлинники находились в частном собрании, в Тбилиси) письма Грибоедова обращены к А. И. Рыхлевскому (1783—1830), состоявшему в 1817—1820 гг. чиновником при Ермолове. По времени они примыкают к опубликованному письму Грибоедова к тому же лицу от 25 июня 1820 г. Все они относятся к начальному периоду дипломатической деятельности Грибоедова на Востоке, когда

он, только что оставив столичную жизнь, находился в Тавризе, явно тяготясь своими обязанностями секретаря русской дипломатической миссии в Персии. Служебные дела его плохо ладилась. Свои неудачи он приписывал равнодушию Ермолова, в непосредственном ведении которого находилась миссия. По этому поводу он писал в упомянутом выше письме Рыхлевскому от 25 июня 1820 г.: «Вы не поверите, как здесь двусмысленно наше положение. От Алексея Петровича [Ермолова] в целый год разу не узнаем, где его пребывание, и каким оком он с высоты смотрит на дольную нашу деятельность. А в Блуждалище Персидских неправд и бессмыслицы едва лепится Политическое существование Симона Мазаровича и его крестоносцев. Что за жизнь; В первый раз от роду задумал подшутить, отведать статской службы. В огонь бы лучше бросился Нерчинских заводов и зываю с Иовом: Да погибнет день, в который я облёкся мундиром Иностранной Коллегии, и утро, в которое рекли: Се Титулярный советник... От чего великий наш Генерал махнул рукою на нас жалких, и ниже одним чином не хочет вперёд толкнуть на просторном поле Государевой Службы? Что бы сказал он с своим дарованием, кабы век оставался Капитаном Артиллерии? Я хотя неосмелил ещё моего умения до того, чтобы с ним смеряться в способностях, но право дороже стою моего звания¹.

С затронутым здесь кругом вопросов и была связана поездка в Тифлис переводчика миссии Шамира Беглярова, намеревавшегося лично хлопотать перед Ермоловым за обиженных начальством чиновников русской миссии, минуя «недоброохота» — П. И. Могилевского, правителя гражданской канцелярии Ермолова.

Причины подозрительного отношения Грибоедова к Могилевскому разъясняются следующими словами о нём в записках Н. Н. Муравьёва: «Во времена Ржищева здешние беки доставали себе русские чины через посредничество Могилевского, который собрал от них большие деньги за то и выхлопотал им большие жалованья»².

Чиновником того же типа, что и Могилевский, являлся упоминаемый Грибоедовым С. А. Наумов, который в записках Муравьёва характеризуется следующим образом: «Господин Наумов, дежурный штаб офицер, представляя из себя Честодума и давая себе через то право всем говорить, особливо подчинённым своим превеликие дерзости (которые те из подлости называют изливанием честности и правоты), не упускает случая, чтобы не воспользоваться обстоятельствами. Нет сомнения, что он никогда деньгами не пользуется, или по крайней мере невероятно; но он имеет двадцать случаев достать оных разными оборотами, как то давая жалованья офицерам червонцами, тогда как оно им ассигнациями отпускается и пр. Таким образом собирает он суммы, из которых строит себе квартиры, делает мебели себе и приятелям своим, побирая мастеровых даром из полков»³.

Несомненным результатом поездки Шамира Беглярова в Тифлис было следующее отношение А. П. Ермолова к заведующему секретным архивом министерства иностранных дел П. Г. Дивову от 5 декабря 1820 г.:

«Октября от 18-го числа прошедшего года делал я представление моё графу К. В. Нессельроде об исходатайствовании награждения чинами служащих при миссии в Персии: секретаря т. с. Грибоедова, переводчика по армии подпоручика Беглярова... Повторил представление моё с/г., мая от 4-го дня, но ни на то, ни на другое не имею ответа и не знаю причины, по коей справедливо испрашиваемая трудящимся награда отказывается... ибо не делаю я таковых иначе, как о ревностно служащих и достойных, и не умею быть равнодушным, когда начальство их не уважает»⁴.

Документ этот снимает с Ермолова упрёк Грибоедова в равнодушии к судьбам чиновников русской миссии в Персии.

Можно думать, что это любопытное отношение Ермолова в министерство иностранных дел, написанное с нескрываемым раздражением, также не возымело успеха, во всяком случае в отношении Грибоедова. Об этом свидетельствует новое отношение Ермолова к Нессельроде от 20 ноября 1821 г., написанное им, как можно предполагать, под непосредственным воздействием Грибоедова, приехавшего в Тифлис в ноябре 1821 г. с донесениями к Ермолову и оставшемуся при его штабе. Ходатай-

ствуя о производстве «в следующий чин секретаря персидской миссии Грибоедова, способности которого весьма полезны службе», Ермолов писал: «если прочие удостоились награды, то в. с., как начальник их, смею уверить, что сей несравненно более имеет на то право. Он знает хорошо и в правилах персидского языка. Кроме заслуг его одного пребывание между персиянами столь долгое время может уже обратить на него внимание...»⁵.

Приведённые материалы позволяют думать, что не равнодушные Ермолова и не злоупотребления Могилевского мешали служебному продвижению Грибоедова, а личное неблаговоление к нему со стороны министерства иностранных дел, осложнённое, к тому же, острыми и колкими отношениями Ермолова с кабинетом Нессельроде.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О. Попова, Грибоедов в Персии, М. 1929, с. 71 сл.

² Н. Муравьёв, Записки. «Русский Архив» 1886, т. III, № 10, с. 320.

³ Там же, с. 436.

⁴ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. VI, ч. II, с. 233.

⁵ Там же, с. 253.

II. ПИСЬМО ГРИБОЕДОВА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Публикация В. Нечаевой

Любезнейший Князь, на мою Комедию не надейтесь, ей нет пропуску; хорошо, что я к этому готов был, и следовательно судьба лишнего ропота от меня не услышит, впрочем любопытство многих увидеть её на сцене или в печати, или услышать в чтении — послужило мне в пользу, я несколько дней сряду оживился новою отеческою заботливостию, переделал развязку и теперь кажется вся вещь совершеннее, потом уже пустил её в ход, вы её на днях получите.

Как у вас там на Серпуховских полях? А здесь мёртвая скука, да что? не вы ли во всей Руси почуяли тлетворный, кладбищный воздух? А поветрие отсюда.

Я ещё дней на семь буду в Москву и конечно загляну к вам в Остафьево, где на свободе потолкуем. — благодарю вас за письмо к Н. М. Карамзину, стыдно было бы уехать из России, не выдавши человека, который ей наиболее чести приносит своими трудами, я посвятил ему целый день в Царск[ом] С[еле] и наднях ещё раз поеду на поклон, только далеко и пыльно. Тургеневу переслал ваше письмо, а не видал: потому что лицо у меня несколько времени вспухло и не допускало выходить из дому, он тоже на даче и далеко живёт; однако перемена в Министерстве, кажется, не повредила его службе, по крайней мере так относятся те, которым до этого никакого дела нет, в Английском клубе здесь как в Москве ремесло одно и то же, знать всё обо всех, кроме того, что дома делается.

Шаховский занят перекройкой Бахчисарайского фонтана в 3 действиях с хор[ами] и бал[етом]: он сохранил множество стихов Пушкина, и всё вместе представляется в виде какого-то чудного поэтического салата.